

Л. А. Араева, М. А. Осадчий
Кемеровский государственный университет

**«Коллизии» категории «мотивирующего слова»
(парадигмальный кризис описания модели)**

К понятию «мотивирующее слово» (если понимать его широко – как любого рода словесную мотивацию, детерминацию на уровне однокоренных слов) обращались несколько наук: этимология, словообразование, мотивология, философия языка и семиотика, стилистика, ономаσιология. Проблемы стилистики довольно специфичны, философии и семиотики – слишком общи, в ономаσιологии все исполнено внутренних противоречий. Потому мы сосредоточимся на рассмотрении только этимологии, словообразования и мотивологии (а по ходу рассуждений сузимся и до последних двух) в аспекте интересующей нас проблемы. В первой из указанных отраслей лингвистики проблемы мотивирующего не существует. Ей там просто не из чего возникнуть: мотивирующим является слово (значение), от которого *фактически* произошло другое слово (значение). Проблемным является *поиск* конкретных мотивирующих слов, что и составляет основу данной науки. Однако сама категория «мотивирующего» достаточно стабильна и определена.

Другая ситуация сложилась в «синхронных» науках. Исторический фактор с его авторитетом факта теряет свою значимость, а всякая детерминация множественна и неопределенна. Настолько неопределенна, что у дериватологии (науки, старающейся внести хоть какой-то порядок в систему детерминаций в пространстве однокоренной лексики) появился сильнейший конкурент – мотивология. Эта наука нанесла болезненный удар словообразованию: ниспровергла идею о самоценности абстрактных общезначимых (типичных) моделей и вернулась на уровень множественных и неопределенных взаимоотношений конкретных слов. Если учесть, что обе науки так или иначе изучают детерминационные отношения, то проблема категории «мотивирующего» окажется центральной. Рассмотрим подробнее саму «коллизию».

Упрощенно говоря, дериватология радикально разбила всю лексику языка на класс мотивирующих и мотивированных. Статус каждого конкретного слова мог меняться в зависимости от точки зрения: по отношению к одному слову оно является мотивирующим, по отношению к другому – мотивированным. Собственно, в этой сложности и заключалась та системность, которую искало словообразование. Выстраивание деривационной системы языка сводилось к тому, что, в конце концов, в каждом конкретном случае можно было сказать: у данного слова *x*, исходя из общеязыковых закономерностей, мотивирующим является конкретное слово *y*. В верификационном ключе это выглядело следующим образом: слово *y* является мотивирующим слова *x*, так что взаимоотношения этих слов укладываются в какую-нибудь словообразовательную модель. Например, у слова *кормильщик* мотивирующим словом является *кормить*, а не, скажем, *выкармливать* или *кормушка*, потому что отношения *кормильщик* – *кормить* укладываются в модель «глагол + *-(ль)щик* = субъект-существительное». Другим «авторитетным» параметром является формальный фактор: морфемный состав слова отображает дерив-

вационные шаги. Проведя морфемный анализ, мы «угадываем» мотивирующее. Впрочем, формальный фактор в его дериватологическом ключе полностью произведен от фактора модели. Как видим, словообразование выработало довольно четкий механизм определения мотивирующего, а значит и установления системы синхронно-деривационных отношений в языке. Этот четкий механизм поиска мотивирующего при известной степени безальтернативности составляет суть дериватологического анализа. У М.Н. Янценецкой есть фрагмент, в котором она методологически разводит словообразование и мотивологию, замечая относительно первого: «...при словообразовательной мотивированности отношения между мотивирующими и мотивируемыми словами строго регламентированы типовыми правилами мотивации, «свобода выбора» мотивирующей единицы у производного слова сведена к минимуму» [Янценецкая, 1979, с. 223]. Между тем отмечались случаи множественного прочтения морфодеривационной структуры слова, или его «деривационной истории», полимотивации, а также феномен уникальной модели – все это в известной степени затемняло деривационную систему. Однако эти явления всегда были «проблемными» и «периферийными» точками словообразования и списывались по большей части на природную нестабильность и «жизнность» языка¹.

Теоретики мотивологии обратили внимание именно на эти периферийные точки, обличавшие проблемность и недостаточность строго деривационного подхода. Очевидно, надежды первых мотивологов были связаны с тем, что возвращение от абстрактных построений к естественному языку и конкретной лексике избавит от нежелательных издержек метаязыка, увлечение которым уже к концу 70-х годов XX в. привело к тому, что советское теоретическое словообразование располагало грудой неработающих конструктов. Но на практике примат «естественного» языка, лексико-семантический принцип, принцип «языкового сознания», ассоциации приводили к полной дезориентации. Так, слово *кормильщик* одинаково ассоциируется и с *кормить* (специфическое действие), и с *кормушка* (инструмент), и с *выкармливать*, *подкармливать* (в некоторых ситуациях деятельность кормильщика сводится именно к этим специфическим действиям, а не к общему *кормить*) и т.д. Что же будет мотивирующим: все слова или только одно; по каким параметрам вести отбор? Принцип модели возвращал к прежнему метаязыку, принцип наиболее близкой формальной структуры также не мог применяться, т.к. теснейшим образом связан с принципом модели. В результате научная состоятельность категории «мотивирующего» логично попала под сомнение. Однако *мотив*-ологии не могли обойтись без *мотив*-ирующего. На деле мотивологи коллективно умолчали этот парадокс и проводили свои изыскания в следующем порядке: (1) для слова *x* по прежнему принципу модели и морфо-деривационной структуры устанавливается мотивирующее слово *y*, а уже затем (2) проводится анализ лексико-семантических (в том числе ассоциативных, дискурсивных) взаимоотношений *x* и *y*, которые взаимно проясняют свою морфемную структуру и смысл. Второй этап проходил, как правило, без обращения к словопроизводственным моделям, однако первый (поисковый) – по сути, основной, базовый – этап апеллировал к системоцентристским категориям дериватологии². Такое «соглаше-

1 Опасаясь этой нестабильности и не слишком доверяя «авторитету» типологических конструктов, в дериватологии были попытки на «полулегальных» основаниях ввести еще и третий (в каком-то смысле более «объективный») параметр при поиске мотивирующего – фактор исторического «здорового смысла», «непосредственности мотивации». Имеется в виду, что в некоторых случаях полагают: историческая и структурно-семантическая целесообразность на стороне именно данного мотивирующего, а не иного. Ср. у М.Н. Янценецкой: «Собственно словообразовательными являются те формально-смысловые, межлексемные связи, за которыми стоят *непосредственные акты образования слов*» (курсив наш – авт.) [Янценецкая, 1979, с. 205].

2 Такой апелляции не происходит, пожалуй, только в тех случаях, когда мотивацион-

ние» с дериватологией в определенном смысле компрометировало мотивологию (стала неясной специфика мотивологии как научного направления). Однако все же эта уступка была конструктивной: она позволила продолжать анализ конкретного материала, невзирая на теоретические метания. Да и был ли другой выход?

Проблемность сложившейся ситуации заключалась в том, что языкознание могло потерять параметры, по которым выстраивалась эпидигматическая системность в лексике. А потеря системности – это серьезная потеря для науки. Необходимо было найти некий параметр, который позволил бы более или менее определенно очертить круг мотивирующих (а желательно указать на одно мотивирующее) конкретное слово. По большому счету у мотивологии было два варианта решения этой проблемы: она ищет этот «ограничивающий» и «упорядочивающий» параметр либо в самой языковой системе, либо в надсистеме – человеке. Первый случай был испробован в дериватологии и, как было сказано, не удовлетворил мотивологию (да и само словообразование – в конечном счете). Другой путь мог бы решить проблему, но находился в советском языкознании под принципиальным запретом, наложенным на фактор человека в языке (учение Ф. де Соссюра). Итак, мотивология была вынуждена остаться на дериватологических позициях. «Коллизия» была частично сглажена в 80-х годах с развитием семантических, а позднее и функциональных, подходов в словообразовании, которые сделали границу между дериватологией и мотивологией практически неразличимой. Общий спад интереса к словообразованию в середине 90-х годов и вовсе нивелировал проблему.

Новое решение вопроса о состоятельности категории «мотивирующего» в синхронных исследованиях намечается в связи с широким распространением когнитивистики, психолингвистики, лингвокультурологии. Точкой оценки языковых явлений может стать позиция говорящего человека, культурно-языкового деятеля, носителя культурного сознания. Почему и как стало возможным решение проблемы мотивирующего?

Если вернуться к двум указанным выше вариантам развития событий (имеется в виду альтернатива мотивологии), то станет очевидным, что второй вариант требует совершенно иного, по сравнению с первым, языка описания и интерпретации языковых явлений. С точки зрения первого варианта, любая грамматическая модель самодостаточна. Эта самодостаточность проявляется в том, что грамматическая модель призвана удовлетворять исключительно мировоззрению ученого-лингвиста, фиксировать *его системопостроения*. Эта модель по большому счету не несет никакой ответственности перед культурным деятелем (человеком). Сообразно второму варианту (т.е. поиску параметра системности языка в надсистеме) модель необходимо и исключительно должна описывать *событие культурно-языковой деятельности субъекта*, точнее его *поступок*, а не метаязыковые фантомы ученого. Без метаязыка наука обойтись не может. Однако метаязык хорош, когда он описывает язык. В том же случае, когда метаязык описывает метаязык, он становится опасным заблуждением науки, порождением ее самолюбования. Под поступком культурного (культурно-языкового) деятеля можно понимать ценностный шаг, организующий, целеустремленный акт, облеченный в языковые формы и явленный в них. Сам же «шаг», «поступок» может пониматься очень широко – как коммуникация и как «хранение» языка в сознании. Важно, чтобы описание языка сохраняло *деятельностную* ориентацию. Впрочем, даже если мы создадим идеальную деятельностно ориентированную модель лингвистического описания в соответствующих терминах, она не сможет не отражать миро-

---

ные отношения рассматриваются в качестве сугубо дискурсивных, любая текстовая «цепка» (происходила ли она типизировано или оригинально, по корню или по аффиксу) оказывается ценной. [См., например: Аникин, 1965; Блинова, 1984; Голев, 1989; Демешкина, 1984; Земская, 1981; Кубрякова, 1981; Наумов, 1985; Янценецкая, 1979 и др.]

воззрения ученого. Однако она, благодаря хотя бы самой своей формулировке, будет открыто апеллировать к культурному субъекту, его поступку. Что, возможно, немного сдержит напор кумуляции *мета-мета-метаописаний*.

Какой поступок описывает такая научная грамматическая категория, как словообразовательная модель? Как синхронная модель, она не может описывать акт творения слова. Значит, она описывает акт осознания слова. Это постулировалось в словообразовании давно. Однако любой психолингвистический эксперимент покажет, насколько неполно словопроизводственная модель описывает такой сложный поступок, как осознание слова. Впрочем, словообразовательная модель никогда и не стремилась описать все составляющие бытия слова. Чаще говорилось о том, что морфодеривационная структура, словообразовательная форма или словообразовательная модель призваны описать особый аспект существования слова – спектр системно-деривационных отношений, в которые вступает слово и которые отражаются в его структуре. Но и в таком случае наш вопрос остается в силе: описывает ли словообразовательная модель какой-либо поступок культурно-языковой деятельности?

На первый взгляд, формулировка «глагол + *-(ль)щик* = субъект-существительное» никак не выводит на уровень деятельности. Однако если присмотреться, то окажется, что словообразовательная модель описывает весьма значимый поступок: постоянное ценностное связывание категории определенного лица со специфической для него деятельностью (*кормить*), в результате чего рождается новый образ специализированного субъекта-деятели (*кормильщик*). С этой точки зрения оказывается, что словообразовательная модель описывает процесс множественной категоризации, происходящей в сознании культурного субъекта. Что же нового привносит деятельностная интерпретация старой теории словообразовательной модели? По большому счету – ничего: *новый язык описания*. Но это-то и является крайне важным шагом вперед, позволяющим вести желаемое «естественное» описание языка.

Вернемся к «коллизии» мотивирующего в словообразовании и мотивологии, где основной проблемой стала невозможность найти такой параметр, который позволил бы конструировать мотивирующую базу, не увлекаясь излишне системноцентристскими метаязыковыми построениями. Осознание слова человеком предполагает множество ценностных связей, в которые вступает языковая форма как комплексный культурный образ. Разумеется, каждая ценностная связь имеет свой ценностный статус. Так, если слово *кормильщик* осознается «совместно» со словами *кормить*, *выкармливать*, *подкармливать*, *кормушка*, и каждое это «осознание» является культурным событием, поступком, актом категоризации, то остается выяснить, одинаков ли статус этих событий. Любой языковой носитель скорее скажет, что *кормильщик это тот, кто кормит*. Но в определенных ситуациях может установить и другую связь: *кормильщик это тот, кто подкармливает, докармливает или по кормушкам корма раскладывает*. Данные мотивационные суждения, очевидно, выстраиваются в иерархию. Базисным суждением будет то, которое устанавливает связь *кормильщика* со словом *кормить*. Остальные же будут небазисными, периферийными, ситуативными. Но что является *мерой* этой иерархии, критерием, по которому она выстроена? Сказать, что так задано в языковой системе, значит, ничего не сказать, с точки зрения деятельностного подхода. Единственным способом вернуться к категории поступка является описание этого случая в терминах категоризации. Тогда иерархия мотивационных связей будет основана на соотношении прототипа – периферии, причем прототипа не системного, а культурного (а уже затем системного). Действительно, те связи, которые мы охарактеризовали как базисные, эксплицируют прототипические знания, инвариантные решения культурного субъекта¹.

---

1 Об иерархическом деятельностном моделировании мотивационного пространства

Выходит, что если описывать феномен мотивационных связей слова с позиций категоризации, языком аксиологической деятельности человека, то мотивационная база любого слова приобретает упорядоченность с точки зрения надсистемы, сознания культурного субъекта. И среди мотивационных связей выделяются прототипические и периферийные. Прототипические связи фактически совпадают с теми деривационными связями, которые устанавливались в советском словообразовании на основе системоцентристских методик. И если к этим деривационным связям подойти с позиции языка категоризации, то нивелируется эффект излишней «метаязыковости», который так настораживал теоретиков мотивологии. Негласно приняв принцип модели и морфемной структуры за основу поиска мотивирующего, мотивология на уровне интуиции преодолела важное теоретическое затруднение. Справедливость этого решения сами мотивологи не могли себе объяснить до определенного времени. Что же касается словообразования, то и на него методика «поступка» может оказать (и уже оказывает) благотворное воздействие, сохранив приоритетную для словообразования область типизированных явлений. Только типизированность в области однокоренных слов будет относиться не исключительно к системе, а к устоявшимся моделям культурно-языковой деятельности. Нельзя даже сказать, что это будет чем-то принципиально новым для русского языкознания: уже в трудах А.А. Потебни (особенно ранних) преследуется именно такая цель: найти культурологические, когнитивные основания феномену связности слов по корню. Не говоря уже о многочисленных современных исследованиях (в том числе российских) по когнитологии, семиотике, культурологии.

Деятельностный подход сохраняет категорию «мотивирующего» научно состоятельной, лишь меняет язык описания и обоснования этого феномена. Кроме того, деятельностно ориентированные методики позволяют разрешить и некоторые другие противоречия, назревшие в системоцентристском подходе. К одному из таких противоречий относится ситуация вокруг словообразовательного типа. Это станет предметом следующей части статьи.

Для начала вернемся к примеру с *кормильщиком*. С точки зрения системоцентрического анализа, по формальному критерию слово *кормильщик* безальтернативно в качестве мотивирующего указывает на слово *кормить*. Для описания отношений между этими словами существует вполне определенная словообразовательная модель «глагол + *-(ль)щик-* = субъект-существительное». Никаких противоречий с точки зрения морфодеривационной структуры тут не возникает, а всякое смещение в сторону мнения культурного субъекта разрушает эту стройную картину. Не устраивают только сами основания этого в полной мере логичного анализа. А именно апелляция к умозрительным построениям, таким, как словообразовательная модель и формальная структура. Данный анализ является многофазным и включает несколько мета-этапов. Поясним мысль. Сначала условно язык выделяется из континуума культурной деятельности, затем моделируется система внутриязыковых отношений единиц (при условии условного отделения языка и культурной деятельности), затем происходит поиск мотивирующего для конкретного слова в той умозрительной и условной модели языка, которая сложилась в результате первых двух этапов. В итоге третий этап опирается на слишком условный *обусловленный* второй, который апеллирует к еще более условному первому этапу. По большому счету роковым является именно первое мета-допущение об условном выделении языка из континуума культурной деятельности. Второй этап (систематизация, моделирование феномена) неизбежно составляет суть любого научного анализа (см. выше). Третий же этап – анализ конкретного объекта. Заметим кстати, что призывы к слиянию языка и «человека» в научнолингвистическом анализе и неприемлемости «Соссюровской» методологии рассмотрения языка

производного слова смотри в работах П.А. Катыхова [Катыхов, 1997; 2001].

звучали давно, если не сказать всегда. Мы лишь пытаемся проанализировать логические основы таких призывов в отношении конкретной проблемы – научной состоятельности категории мотивирующего.

Итак, мы рассмотрели случай, когда системоцентрический анализ ставит все на свои места (на каком бы основании это ни происходило), а деятельностно ориентированный подход вносит сумятицу. Можно привести и принципиально иной пример: полисемия (омонимия) словообразовательных структур; и в качестве иллюстрации – хрестоматийное *лес-ник / лесн-ик*. Здесь, напротив, системоцентрический анализ попадает в замкнутый круг, т.к. собственно система допускает оба решения. Формально выделяются обе структуры, т.к. возможна апелляция сразу к двум словообразовательным моделям: «сущ. + *-ник* = субъект-существительное», «прил. + *-ик* = субъект-существительное». Порядок вносит ссыла на точку зрения культурного субъекта. Прототипичным оказывается первое решение, т.к. осознание конкретного субъекта *лесник* будет скорее происходить с опорой на конкретный объект *лес*, чем на качество *лесной*. Таких примеров можно привести множество и везде в процессе категоризации, т.е. в ходе принятия культурного решения, качество проигрывает наблюдаемому конкретному объекту. Вследствие чего именно он входит в прототипическую модель осознания формы-образа. Мы сейчас говорим не о результатах психолингвистических экспериментов, а о перманентной культурной деятельности.

Первый пример как будто обличает неконкурентоспособность деятельностного подхода, второй же указывает на его крайнюю полезность для решения назревших в системоцентризме проблем. Как уже было сказано, одной из таких проблем является словообразовательный тип. Камнем преткновения в определении этого феномена стали точки неопределенности в словообразовательной системе (полимотивация, синтаксическая деривация, словообразовательная полисемия, словообразовательная синонимия). Особую роль сыграл часто отмечаемый в русском языке случай вариативности прочтения словообразовательной структуры конкретного слова. В самом деле, если принять такого рода вариативность за норму, то рушится правило трех единств: и принцип единства частеречной принадлежности мотивирующего, и принцип единства словообразовательного значения, в итоге логично ставится под сомнение и критерий единства форманта. Восстановив системность на основе иерархического предпочтения тех или иных категоризационных решений, т.е. избрав в качестве конструктивных элементов для словообразовательного типа только прототипичные решения (например, для *лесника* только *лес*, а для *кормильщика* только *кормить*), мы получим возможность реанимировать эту единицу системного измерения языка и – шире – культурной деятельности. В итоге мотивирующая база типа складывается на основе прототипических представлений. А словообразовательный тип в целом предстает в виде культурно-деятельностной единицы, аккумулирующей в себе прототипические решения категоризационной деятельности, протекающей в лоне системы взаимоподдерживаемых языковых форм. Причем нельзя говорить, что эта категоризационная деятельность направлена на осознание языковых форм (метаязыковой компонент здесь будет не более чем сопутствующим). Скорее, нужно смотреть шире и включить словообразовательный тип в общий контекст культурной деятельности, представив его не как мышление в жизни *о языковых формах*, а как мышление в языковых формах *о жизни*.

Необходимо заметить, что ни один психолингвистический эксперимент не даст *прямых* данных о типизированных элементах сознания культурного субъекта. В этих экспериментах используются конкретные слова-стимулы – таковы же и результаты. Говорить о прототипических/периферийных элементах дает возможность первичная обработка и многоэтапное метаописание прямых результатов экспериментов. Именно эти выводы напрямую применимы к словообразователь-

ному типу как феномену, концентрирующему в себе типизированные элементы. Все это как будто нагружает деятельностный подход издержками метаязыка, от которых серьезно пострадала системоцентрическая парадигма. Однако нужно учесть тот факт, что деятельностное описание всегда будет находиться в более выигрышном положении на одну ступень. Этой ступенью является отсутствие такого мета-допущения, как условное выделение языка из континуума культурной деятельности.

Литература

- Аникин А.И. Употребление однокоренных слов в предложении. М., 1965.
- Блинова О.И. Явление мотивации слов. Томск, 1984.
- Демешкина Т.А. Типы смысловых отношений мотивационно-связных слов (лексикологический аспект). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.
- Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
- Земская Е.А. Роль производных слов в построении связного текста (на материале русской разговорной речи) // Тезисы докладов научно-теоретической конференции «Проблемы дериватологии». Вып. 1. Пермь, 1981.
- Катышев П.А. Полимотивация как концептуальная деятельность. Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.
- Катышев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск, 2001.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
- Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.